

УДК 351.858:008+130.2

ЭСТЕТИКА ПОСТМОДЕРНИЗМА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ
Ю. ШЕСТАЛОВА РУБЕЖА XX–XXI ВВ.

И. М. Куликова

Кандидат филологических наук, доцент
Сургутский государственный университет
г. Сургут, Россия

THE ESTHETICS OF POSTMODERNISM IN ART PRACTICE
Y. SHESTALOV ABROAD XX–XXI CENTURIES

I. M. Kulikova

Candidate of Philological Sciences
assistant professor
Surgut State University
Surgut, Russia

Abstract. The article deals with some elements of postmodern stylistic writing, which is reflected in the works of the writer Mansi Yu. Shestalov. The author of the article analyzes the last period of his activity at the turn of the century. The author examines the function of the author in the text, especially the structure of the last works of the writer, in the field of linguistics experiments, citation, mixing fiction and reality, and others. Obtained such a feature of the style of postmodernism as intertextuality, and determine the nature of its manifestation in the works of the writer Ugra. However, the article outlines and highlights differences writer position with the style of postmodernism. The analysis allows us to see the evolution of the world and artistic handwriting of the writer Yu. Shestalov.

Keywords: postmodernism; the scriptorium, the «death of the author», intertextuality, linguistic experiment.

К концу XX века в этнических литературах Западной Сибири все настойчивее стал варьироваться мотив возможной гибели традиционного мира. Одновременно писатели стали искать пути «включения» своих культур в общий мировой поток жизни, что повлекло изменение мировоззренческих установок и поиск новых форм их выражения. Так, в творчестве Е. Айпина, А. Неркаги, Ю. Шесталова и других этнических авторов начинают проявляться элементы постмодернистского письма. При этом ими воспринимается не столько содержательный уровень такого текста, сколько формальные принципы построения произведения. Понимание ими постмодернизма как формы художественного видения мира привело к пересмотру роли автора в тексте, его структуры, функций языка, метафорического ряда. Произведение стало рассматриваться больше как коммуникативный акт, процесс взаимодействия между текстом, автором и читателем, что, по мнению критиков, привело к снижению собственно

художественного субстрата многих текстов. Это, в частности, характерно для творчества Ю. Шесталова рубежа веков. Рассматривая «Клич журавля» как переходное произведение, Е. Чепкасов относит его к предыдущему периоду творчества писателя именно на том основании, что художественное начало здесь еще ярко выражено, а содержанием его «не является открытая проповедь религиозно-синкретического учения» [2, с. 430].

Постмодернизм исходит из концепции «смерти автора», утверждения «неприсутствия» голоса автора и персонажей. Р. Барт считал, что на смену автору как носителю определенной позиции, некоей системы ценностей приходит Скриптор («пишущий»), появляющийся только в процессе создания текста и исчезающий с его окончанием [1, с. 417]. Такая особенность отчасти проявляется, например, в романе «Откровение Крылатого Пастора» (2007), где повествователь примеривает разные «авторские маски»: «Пишущий» соотносит себя и с Мирсунэхумом, и с

Крылатым Пастором, и с камлающим шаманом, который способен перемещаться в разных направлениях во времени и пространстве, и с реальным земным человеком, влюбленным мужчиной. Обладая особой эстетической подвижностью, используя приемы игры, мистификации, уничтожая грани между фактом и вымыслом, повествователь лишает конкретности художественное время и пространство, придавая модели мироустройства универсальный характер. С. Динисламова считает, что «постепенно сам поэт становится религиозно-мифологическим персонажем» [2, с. 185]. «Многоликость», несущая оттенок мистификации, свойственна и другим персонажам. Образ Крылатого Пастора сливается с образами ветхозаветного Яхве и Мирсуснэхума [4, с. 12]. Последний соотносится с Христом, Повествователем, медведем, Мутрой (носителем Разума), выполняет функции Мирового Смотрителя. Пастор одновременно – и Крылатый, и Ногастый, сливается то с Мировым Хранителем, то с Христом. Образ языческой Золотой Бабы соотносится с образом Богородицы, выступая посредником между светом и тьмой, и одновременно реализует общечеловеческий архетип Матери и Женщины, Возлюбленной: «Золотая Богиня, Богиня-Любовь, Богиня-Мать».

Вместе с тем отрицать наличие авторской позиции в произведениях Ю. Шесталова нельзя. Открыто не проявляя себя, автор все же «ведет» читателя к пониманию, а возможно, и принятию своей концепции мира, обозначаемой как «религиозно-синкретическое неошаманство», «космическая» философия. Истоки его «учения» кроются в культурной традиции народа манси – мифах, заклинаниях, молитвах, пророчествах белых шаманов, пространственно-временном видении мира, признании сосуществования видимого и невидимого миров, реинкарнации и возможности общения с духами [2, с. 189–190]. Одновременно писатель включает в него по-своему воспринятые идеи русского космизма, теософию Е. Блаватской, по-

ложения буддизма. Глубинный смысл его «учения» – в духовном единении народов при сохранении «своего лица и своего языка», поиск «изначального порядка вещей» («космического порядка»), защищающего жизнь как таковую. Впервые законченную форму тема планетарного и космического сознания приобрела в книге-амулете «Космическое видение мира на грани тысячелетий» (1997, 2002) и трактате «Сознание Торума, сознание природы – путь спасения» (1997). Именно здесь соединены восточные и западные духовные концепции, высказывания великих людей о возможности единения «в миг наступления апокалипсиса». Последовавшая за «Откровением Крылатого Пастора» книга «Откровение времени творения» (2007) завершает этот «цикл» произведений. Но базовая мифологема второго периода творчества – «Сознание Торума – Сознание Природы – Космическое Сознание» – может быть различима уже в «Кличе Журавля» [2, с. 221]. Писатель пересматривает концепции своих прежних произведений, создавая на их основе новые, существенно переработав содержание и усилив трагическое звучание старых тем. В «Откровении...творения» повествователь заявит: «Катастрофа – ключевое слово нашего времени» [4, с.111]. Но если «Откровение...Пастора» в большей степени соотносимо с Апокалипсисом, то «Откровение...творения» отсылает к мифам о сотворении мира. Тогда «мальчик или девочка, Адам или Ева...родят не только человечество, но и Человечность, устремленную к Единению,...для превращения в энергию Творения» [4, с. 119].

Единственной реальностью в постмодернизме является «текст культуры», что проявляется в обостренном интересе к культурным парадигмам, их ироническом пересмотре, манипулировании чужими текстами, цитировании, стилизации. Как отмечает Т. Калугина, строительным материалом современного постмодернистского творчества «становятся образы уже воплощенной, чужой креативности, ее концепты и контексты, цитаты, аллюзии,

отсылки и проч.» [3, с. 221]. Ю. Шесталов активно вводит в тексты своих произведений высказывания «Христа, Магомета, Будды...современников – Л. Н. Гумилева, Г.С. Райшева, В. В. Казначеева и представителей власти, искусства, образования» [2, с. 61]. В роман-камлание – цитату из Данте, строфы из стихотворения А. Блока, пересказ мансийских мифов, строчку из русской народной песни, элементы и технику шаманских камланий. В «Откровение...творения» – отрывок из «русских Вед», цитаты из А. Пушкина и Киплинга, из евангелия, высказывание одного из ученых нетрадиционного направления В. С. Смирнова. Отмечено в текстах у Ю. Шесталова и «гениальное совмещение» черт разных жанров – «фрагменты эпоса, поэмы, легенды, сказки, песни, стихотворения, социографии, публицистики» [2, с. 21].

Современный текст, с позиций постмодернизма, – это сам язык, его «ароматная сочность», которая «важнее знаний и мудрости» [1, с. 569]. Р. Барт понимал писательскую деятельность как игру с языком, при которой главное – это удовольствие, получаемое от текста. Ю. Шесталов тоже «играет» со словом, сознательно нарушая грамматические нормы, вводя слова, выражения и «семантически пустые конструкции» (Р. Белл) из родного языка. Писатель создает новые контексты, выявляя «неожиданные» смыслы слов. Пример – толкование имени Мирсуснэхума: «Ис-Ась, Иисус, тень Отца, Спаситель» [4, с. 22]. Или: «мощ-тор, Мастер» – слова с сакральным смыслом «творца на земле». Или: «круг» – «тор», «Торум», Космос, Природа [4, с. 114]. Любопытен и такой пример: дом – «кол» в сочетании с греческим «логос» дает понятие «экология» [4, с. 123]. Слова связывают тексты между собой. В работе «Откровение Севера – откровение Торума» (книга «Космическое видение...») писатель говорит о «школе выживания» и о сохранившемся на севере «космическом сознании». В «Откровении...творения» приводится толкование слова Арктика (Орт-ики – «господин мужества»), чьи «мужественные законы»

должны быть «использованы планетарной мудростью для спасения гибнущего человечества» [4, с. 111]. Слово связано и концепцией космического сознания. «Откровение времени творения» начинается с отсылки к начальной строке евангелия от Иоанна: «В начале было СЛОВО».

Подводя итог беглому рассмотрению заявленной проблемы, отметим следующее. Из константных особенностей постмодернизма этнической прозой востребованной оказалась т. н. интертекстуальность – использование «чужих» культурных кодов, формул, социальных идиом. При этом формы литературной интертекстуальности могут быть различными. Ю. Шесталов активно применяет такой «класс интертекстуальности» (Ж. Жаннет), как «соприсутствие» в произведении нескольких текстов. Философские, религиозные учения вычленяются в текстах Ю. Шесталова как аллюзии и реминисценции, «чужие» слова и мысли оформляются как «свои». В тексте может появиться «чужой» образ (блоковская Незнакомка в «Откровении...Пастора» и др.). Писатель перерабатывает, комментирует свой «предтекст» (метатекстуальность). Такая практика будет использоваться им в течение всего творчества [2, с. 71–73]. В 90-е годы Ю. Шесталов «долго...писал варианты ранее написанных текстов», – подмечает исследователь [2, с. 22]. Как итог – появление романа-камлания, в котором переработаны тексты уже 1990-2000-х годов. В творчестве Ю. Шесталова можно найти и примеры паратекстуальности, понимаемой как отношение текста к своему заглавию. Названия книг «Откровение Крылатого Пастора» и «Откровение времени творения» своим содержанием связаны с библейскими текстами (апокалиптические мотивы в книге «Откровение Иоанна Богослова» и ветхозаветные мифы о сотворении мира). «Космическое сознание мира...» напрямую связано с утверждаемой писателем религиозно-философской концепцией. Архитекстуальность, понимаемая как жанровая связь текстов, нагляднее

всего проявляется в практике использования писателем элементов шаманских камланий; жанровая специфика «Откровения..Пастора» определяется как «роман-камлание». В мировоззренческом аспекте постмодернизм ориентирован на восприятие мира как хаоса, абсурда, лишённого причинно – следственных связей, социальной и психологической детерминированности. Примеры такого понимания мира легко вычлняются в текстах Ю. Шесталова последних лет. Писатель создает откровенно фантазмагорическую картину современного абсурдного бытия: «чудища нашей Крылатой лодки», «двигались, дышали, мерцали другие необычные существа»; «Куда летим, не знаю»; «Один из обитателей нашей лодки вроде похож на человека» [4, с. 26, 75, 95]. Как следствие – отсутствие структурированной модели мира и четких композиционных принципов построения произведения – внешне фрагментарного, с кажущейся необъяснимой сменой планов изображения. Автор передает хаотичное, разорванное сознание личности, отражает процесс ассоциативно-рефлекторного восприятия бытия. Хаосу–кошмару жизни он стремится противопоставить свою концепцию «космического сознания» как стержень,

который способен объединить людей и возратить миру гармонию, вернуть человечество к истинной жизни.

Библиографический список

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Динисламова С. С., Надь Каталин, Чепкасов Е. В. Юван Шесталов: Исследования феномена. – Ханты-Мансийск: Юграфика, 2012. – 469 с.
3. Калугина Т. П. Культура – «музеефикатор»: метафора и реальность // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: Материалы Международной научной конференции. – СПб, 2001. – 328 с. – С. 209–221.
4. Шесталов Ю. Избранное. – М. : Советский писатель, 2007. – 144 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bart R. Izbrannyye raboty. Semiotika. Pojetika / per. s fr. – M. : Progress, 1989. – 616 s.
2. Dinislamova S. S., Nad' Katalin, Chepkasov E. V. Juvan Shestalov: Issledovaniya fenomena. – Nanty-Mansijsk: Jugrafika, 2012. – 469 s.
3. Kalugina T. P. Kul'tura – «muzeefikator»: metafora i real'nost' // Metodologija gumanitarnogo znaniya v perspektive XXI veka: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – SPb, 2001. – 328 s. – S. 209–221.
4. Shestalov Ju. Izbrannoe. – M. : Sovetskij pisatel', 2007. – 144 s.

© Куликова И. М., 2016